

ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА УКАЧИНА

М.С. Дедина

Ключевые слова: алтайская литература, Борис Укачин, поздняя лирика, философская лирика, лирический цикл, тема бытия и небытия

Keywords: Altai literature, Boris Ukachin, late lyrics, philosophical lyrics, lyrical cycle, theme of being and non-being

DOI 10.14258/filichel(2024)4-11

Творчество Бориса Укачина занимает особое место в истории алтайской литературы, выделяясь самобытным, ни на кого не похожим слогом, полемичным характером высказываний и прочной фольклорной основой. Произведения писателя не раз становились предметом литературоведческого и критического анализа. О них писали С. Каташ, В. Чичинов, С. Каташев, Р. Палкина, Н. Киндикова, А. Киндикова и др. Одним из основательных и серьезных исследований, касающихся творчества писателя, является литературный портрет Б. Укачина, написанный Г. Кондаковым и опубликованный во второй книге «Истории алтайской литературы» [Кондаков, 2004, с. 160–190]. Судя по примечаниям к статье, в призму внимания исследователя попали переводные (с алтайского на русский) сборники поэта: «Ветка горного кедра» (1966), «Земля синего неба» (1970), «Голос снега» (1978), «Эхо вечного Алтая» (1979), «Календарь души» (1982). Описав базовые тематические доминанты в творчестве писателя, он сделал акцент на фактах взаимодействия и взаимовлияния русской и алтайской литературы, в частности отметив особое отношение Б. Укачина к ступенчатой рифме В. Маяковского, а способ укачинского повествования сравнив с эпичностью и реалистичностью А. Твардовского [Кондаков, 2004].

Творчество Б. Укачина условно можно разделить на несколько значимых периодов. Первый ограничивается хронологическими рамками 1957–1967 годов. Он включает время пробных шагов в литературной деятельности, а также период обучения в Литературном институте им. М. Горького (1962–1967). В эти годы выходят в свет такие сборники поэта, как «Юлдор» («Дороги», 1960), «Якшы улус» («Хорошие люди», 1961), «Мен кем?» («Кто я?», 1963) и др. В 1962 году вышла из печати первая книга¹ стихов поэта «Есть такая земля» на русском языке. Домinantными чертами

¹ В настоящее время издано девятнадцать и двадцать пять лирических и прозаических сборников писателя на алтайском и русском языках соответственно.

произведений писателя данного периода стало «стремление ко всему новому, что происходит в жизни и литературе, острая публицистичность и полемичность, правда, не получившая еще четкого философского осмысливания, стремление идти в стихах от частного к общему» [Кондаков, 2004, с. 160]. Второй период, 1968–1975-х годы, отличается тяготением писателя к эпичности и масштабности. В лирике появляются крупные лиро-эпические произведения, такие как поэма-раздумье «Чакылар» («Коновязи»), поэма-хроника «Кар ортодо кара жаныс тура» («Одинокий домик среди белых снегов»), поэма- очерк «Бир түн» («Одна ночь») и др. В 1971 году в свет выходит сборник рассказов и повестей «Ээлү туулар» («Горные духи»). С 1976 года до 1989 года следует третий этап творческой эволюции писателя. Данный период ознаменовался обращением писателя к народным истокам, к традиционному мировоззрению, интересом к произведениям устного народного творчества, активному внедрению фольклорно-мифологических образов и мотивов в художественный текст, а также углублению философских начал в поэзии. В 1981 году выходит в свет сборник «Сүүш ле ўштөжүй» («Любовь и вражда»), в 1983 году — «Сүүштинг кайкал кучкажы» («Чудо птица любви»), в 1986 году — «Жасы чечектер — күски ылдыстар» («Весенние цветы — осенние звезды»). К четвертому периоду, следует отнести стихотворения, написанные с конца 1980-х до начала 2000-х годов, вошедшие в такие его сборники, как «Айдынг-күннинг белгези» («Прогноз погоды», 1993) и «Салым сакытпас» («Судьба не станет ждать», 2005), который вышел в свет уже после ухода писателя из жизни.

В лирике Б. Укачина рубежа веков на первый план выходит не действие, как это было, к примеру, в ранней лирике поэта, а чувство, размышления, обобщения. Именно к масштабному видению и к отстранению от реальности стремится поэт в стихотворениях этого периода. Размышления о сущности бытия позволяют говорить, обратившись к терминологии М. Эпштейна², о «лирической философии»³, при-

² М. Эпштейн в своей известной лекции, говоря о предмете философии, отмечает, что он представляет собой, прежде всего, даже не мысль, а чувство. «Любое чувство, достигающее универсальности, может стать философским. Дело не в том, что чувство может стать предметом философского размышлении, а в том, что чувство, обратая универсальность, само становится философическим» [Эпштейн, 2014, с. 170]. Исследователь полагал, что «призвание философии — формировать не только наши мысли, но и чувства, способствовать их развитию и углублению. Не только интеллектуально объяснять мир, но делать нас чувствующими гражданами мираоздания, т. е. восходить от чувств единичных, ситуативных, житейских — к мирообъемлющим» [Эпштейн, 2014, с. 170].

³ Она «заслуживает рассмотрения как особый, малоизученный род философской словесности, раскрывающей волевые акты и интенции мыслящего "я" в процессе его самосознания» [Эпштейн, 2014, с. 172].

существующей в зрелой лирике поэта, поскольку «лиризм философии — это и есть признак превосходства субъекта самопознания над собой как объектом, способ его самотрансценденции» [Эпштейн 2014: 173].

Сборник «*Ясқы чечектер — күски јылдыстар*» был подготовлен к 50-летнему юбилею писателя и стал своеобразным способом обобщения и оценки пройденного творческого пути. В предисловии к нему автор написал: «*Бежен жажымның бери жанында канча кире јүрүмим, канча јылдарым арткан?... Ол керегинде көт сананбай, ары ла шитенип, бичинип отурзан; ол артык. Айдарда мен билип алган бийиктеримнен билбейтен бийиктерге ойто ло катап оноң ары барып жадым. Бичишининг уур жолдорында жаны бичиктер бичишрге јренип, ўредўманинг учын көрүп болбой отурым*» («*По ту сторону пятидесятилетнего рубежа сколько мне осталось жизни, сколько лет?.. Лучше об этом не думая, писать, работать. Таким образом, я с тех вершин, которые познал, вновь двигаюсь к новым вершинам. На трудном писательском пути, учась писать новые книги, я не вижу конца этому познанию*») (Борис Укачин. 1986. С. 7). В стихотворениях, вошедших в данное издание, на первый план выходят фундаментальные философские доминанты, такие как жизнь и смерть, бытие и небытие, которые станут в последующем у него постоянными.

Открывает сборник одноименное стихотворение, построенное по традиционной форме народной песни с характерным для нее образным параллелизмом⁴. В параллель автором поставлены два полифункциональных образа-символа — цветы, трансформирующиеся в звезды, и стихи. Весенние цветы⁵ в данном контексте актуализируют представления о райском саде, поддерживая идеалистические мотивы возрождения, любви, счастья, молодости, творчества. Стихи же для поэта, с одной стороны, воплощают в себе легкость, нежность, вдохновение («*Ясқы чечектер тынын ла тыныжын / Жолдыкка саларага амадаган эдим*») («*Жизнь и дыхание весенних цветов / Положить на строку я старался*») (Борис Укачин. 1986ю С. 11); с другой — творческий процесс им понимается как тяжелый труд, изматывающий и мучитель-

⁴ Известно, что «алтайским песням свойственно двухстрочное сравнение, причем первые две строки изображают явления природы, с которыми сравнивается жизнь человека в третьей и четвертой строках. Чтобы показать неразрывную связь этих явлений, их близости, певец рифмует вторую строку, изображающую явление из области природы, с четвертой строкой, изображающей жизнь человека» [Тюхтенев, 1972, с. 89].

⁵ Трансформация цветка в осеннюю звезду у поэта символизирует наступление зрелости («*ярым чактың јүги жардымда*») («*полувековая ноша у меня на плечах*») (Укачин 1986, с. 11).

ный («*Я еще в отчаянной надежде / Мучаюсь и плачу над строкой»* или «*Мысли менялись, меня изменяя / Шел я тяжелой дорогой слов»*) (Борис Укачин. 2016. С. 199. Пер. С. Дыкова).

Поиски непостижимости тайн поэтического слова становятся постоянными для лирического героя Б. Укачина. О природе творческого труда автор писал: «*А бичиништин јажыту аалгазын јазаптан жазап, оның уур-қүч чийүлерин чечерге ченешсен, — баш болзын! Бажың алланар. / Мынаң улам сананзам, чындык бичиичи билип алган бийиктерден жаантайын ла јўрўмнинг билдирабес бийиктерине ле карангуйына жол бедиреп жат. Бичиичи јўрўмнинг кечеги жарыткышту ла жарт жолдорын ундып, кажы ла тарый таныш эмес „талаалар“ бойына ачарга кичеенет. Кажы ла бичип божоткон ўлгердин, куучынның, повестьтинг ле романның кийнинде оны чўмдеген бичиичи „ёлўп“ жат. Оноң ойто ёнгёйип ле тирилип, жаны кижи, жаны бичиичи болуп, бойының жаны произведениезин канайда жайаарына, канайып бичиширине ойто ло ўренет. Бичиичи космос кууп учкан ракета ошкоши. Там ичкери барганы сайын ракетаның ўйе-тепкиштери канайып кўйўп ўзўлип тўжет, бат, бичиичи чала ого ѡўзўнадеш. Шак ла ол тушта сенинг эткенин, тапканың солун болор, шак ла ол тушта сен каный да ёдимге ёдип, амадуунды ал согорын...») («Чтобы познать тайны писательского мастерства, начнешь разбирать сложные его узелки — боже мой! Голова пойдет кругом. / Поэтому я думаю, что настоящий писатель с преодоленных вершин постоянно ищет в тайнах жизни путь. Писатель, позабыв вчерашие яркие и понятные дороги, каждый раз познает неизведанные просторы. После каждого написанного стиха, рассказа, повести и романа их автор „умирает“. Затем вновь, подняв голову и ожив, став новым человеком, новым писателем, снова учится творить и писать новое произведение. Писатель похож на летящую в космос ракету. Чем дальше она летит, как ее ступени отпадают, так и у писателя. Именно тогда созданное, найденное тобой будет интересно, именно тогда ты достигнешь какого-то успеха, выполнишь цель...») (Борис Укачин. 1986. С. 7–8). Ключевые доминанты, высказанные здесь поэтом, реализованы в лирике, составив идейно-смысловую основу его поэтического мировосприятия. Мотивы поиска, ученичества, блуждания, которые были воплощены в образе-символе пути-дороги в его ранней лирике, актуализируясь в поздней, переходят в плоскость философских размышлений о смысле творческого труда. С одной стороны, поэтическое слово для писателя является средством и способом продолжения своего авторского Я.*

Үйле коногым узадып,
Үлгеримнен, айса, ўн артар?..
Жирме бир чакта улуска
Мениң учун сөс айдар?..
(Борис Укачин. 1993. С. 43).

*Вы, заветные, лучшие строки, в которых
Жить остался мой голос, — хоть несколько лет,
Проживите еще на родимых просторах,
Передайте потомкам сердечный привет*
(Борис Укачин. 2016. С. 8. Пер. И. Фонякова).

С другой же, в его зрелой лирике поэтическое созидание все чаще ассоциируется с горением, испепелением, сожжением, уничтожением. Образ огня актуализирован в традиционном мотиве творческого жара, душевного пыла: «Искрами слов, / Летящих сквозь жизнь, Книгу раскрыв, / Не обожгись» (Борис Укачин. 2016. С. 78), переходящего в жертвенную самоотдачу: «Они однажды убьют меня, / Они однажды сожгут меня, / Однажды испепелят меня, / А сами выскочат из огня» (Борис Укачин. 2016. С. 19. Пер. И. Фонякова)», писал поэт в стихотворении «Мои стихи убьют меня...», поскольку:

Кажы ла табылган уур сўзим
Канымды ичин, мени карыткан.
Кажы ла јолдык јүректен özüp,
Јүректин жикен, согултын кыскарткан
(Борис Укачин. 1986. С. 60).

Я это знаю наперед:
Ведь каждая из настоящих строк
Частицу жизненных сил берет
И сокращает жизненный срок
(Борис Укачин. 2016. С. 19. Пер. И. Фонякова).

В данном контексте поэзия становится соперницей автора, с которой ему приходится бороться. Не случайно в оригинале присутствует образ тюрьмы как символ несвободы. Именно преодолевая творческие преграды, в поисках истины, заключенной, по мысли автора, в свободе, лирический герой борется со своим творческим порывом, воплощенным в образе стиха, стараясь укротить его энергию, пытаясь на-

править в нужное русло для достижения своих целей. И это постоянное сражение за существование рано или поздно закончится для героя поражением, поскольку поэт понимает, что стихи в конечном итоге останутся жить после него.

Этот же мотив творческого горения, связанный со страданием, болью и отчаянием, присутствует в цикле «Не целясь, я в свою смерть стреляю». Очень символично звучат строки «Мир в огне холодно-желтом / В горьком пламени я горю...» (Борис Укачин. 2016. С. 102. Пер. С. Дыкова). При этом холодно-желтый огонь связан с образом осени, постоянным в поздней лирике Б. Укачина. Следует отметить, что осень у Б. Укачина представлена в двух ракурсах, которые, актуализируя традиционные мифологические представления о сезонном цикле, с одной стороны, отражают элегическую печаль об ушедшей молодости (мотив прощания, грусти, одиночества, холода, темноты...), с другой — этнопоэтическое осеннее изобилие (зрелость плодов, жирность скота...).

В стихотворениях 1990-х годов на первый план выходит философское осмысление бытия и места в нем человека. Предпосылками этого, во-первых, были известные политические и социальные изменения в обществе, что, безусловно, не могло не отразиться и на литературном процессе. Борис Укачин продолжал писать и трудиться. В 1993 году он издал лирический сборник «Айдын-Күннинг белгези» («Прогноз погоды»), где в «поэтической форме попытался отразить смутное время — эпоху безвременья, безденежья, обмана» (Борис Укачин. 2006. с. 106). Во-вторых, серьезные проблемы со здоровьем, известие о тяжелой болезни писателя и последовавшее лечение породили цикл стихов, условно названных «Больничные стихотворения»⁶. В них, как считает А. Укачин, «автор посмотрел на свою жизнь под другим углом зрения, зная о приближающейся смерти и понимая это данное свыше предназначение — оставил нам свой письменный диалог со Смертью» (Укачин, 2006, с. 116).

Мотив смерти как системообразующий в поэтической картине мира писателя впервые возник в сборнике «Сүүштин кайкал күчкәжы» (1983). В первую очередь это было связано с большой утратой в жизни поэта — со смертью матери⁷. Б. Укачин писал: «1978 жылдың сырғанай ла жараши деген күүк айында мен энемди жылыйттым. Эр-кемине един,

⁶ Впервые стихотворения из цикла были опубликованы 24 апреля 1998 года в «Алтайдын Чолмоны». Значительно доработанные и переработанные, они вошли в посмертный сборник поэта «Салым сакытпас» («Судьба не станет ждать», 2005).

⁷ Мать Б. Укачина умерла 21 мая 1978 года.

таң алдынан айылду-јуртту, ўч уулду ла качан да тура салбай, карузып сүүген шишү де тужым болзо, је бу јылыйту меге эң jaан, эң ачу согулта ла коромжы болуп эмдиге жетире артканча. Бу мындый улу јоксыныш ла коромжы, байла, мен бу айлу-күндү ак-јарыкты артырып, бойым јыгылган кийнинде, — јаңыс ла ол тушта јоголор туру...» («В прекрасном мае месяце 1978 г. я потерял маму. Теперь я повзросел, создал семью, стал отцом троих сыновей, имею любимую работу, но эта утрата до сих пор остается для меня самым большим, самым горьким ударом и потерей. Эта огромная пустота, наверное, пока я живу на этом солнечно-лунном белом свете (будет со мной), и только когда я сам упаду (в значении умру. — М.Д.), — только тогда может быть исчезнет...») (Борис Укачин. 1986. С. 7). Как отмечает А.В. Киндикова: «С потерей матери все изменилось в душе, в сознании, в характере лирического героя. Он чувствует себя одиноко, ему все постыло: Без матери зима сурова, / без матери — недобрый взгляд, / случайно сказанное слово / вонзиться в сердце норовит. / Не сердце, а сплошная рана, / весь белый свет тебе не мил, / как будто бы подвой бурана, / бредешь один среди могил» [Киндикова, 2005, с. 88] (пер. С. Куняева). Если центральной темой сборника стала любовь, раскрывающаяся в самых различных ракурсах, то чувство боли, утраты ушедших в небытие лет привносят в лирику минорную тональность. В стихотворении «Эки эжик» («Две двери») поэт обращается к любви и смерти как равнозначным, неизбежным для человека началам.

*Јер ўстинде эки эжик:
Бирўзи бу — Сүүштинг эжиги.
Экинчиизи оның база эленчик,
Эбирип болбозың, — Ўлумнинг эжиги!..*

*На земле есть две двери:
Одна из них — Дверь любви.
Вторая из них тоже вечная,
Не минуешь ее, — Дверь смерти!
(Борис Укачин. 1983. С. 20).*

В 1986 году в литературно-художественном сборнике «Эл-Алтай» был опубликован цикл стихотворений «Чак. Јүрүм. Кизи» («Век. Жизнь. Человек»), где впервые в лирике поэта прозвучали апокалиптические мотивы и экзистенциальные ноты. В стихотворении «Чак түгенип јат» («Окончание века») усеченная рифма, рваные строфы, мно-

готочия, риторические вопросы нагнетают атмосферу приближающейся катастрофы — конца мира.

*Айса болзо
Атомду бу чакта,
Бу жеткерлү јерде,
Билерге күч телекейде
Бис калганчы улус,
Калганчы санаа сыйс,
Калганчы арткан ис? ...*

*Может быть,
В этом атомном веке,
На этой опасной земле,
На этом сложном для познания мире
Мы последние люди,
Последняя мысль-боль,
Последний оставленный след?..*
(Борис Укачин. 1986. С. 83).

Поэт остро переживал утрату целостности, что усиливало в его лирике ощущение приближения апокалипсиса. Традиционное понимание гармоничной взаимосвязи человека с природным началом отрицается фактами экологической катастрофы, грозящей Горному Алтаю⁸. В таких стихотворениях, как «Турналар кыйгызы ѡскён јеримде угубайт» («Не слышен крик журавлей на моей родине»), «Јака јеристе јанты ёй» («На нашей земле новое время»), «Эки салым» («Две судьбы») и др., лирический герой с горечью отмечает результаты пагубного воздействия человека на природу:

*Турналар кыйгызы
Оскён јеримде угубайт.
Јүргегимнинг онтузы
Оның да учун јазылбайт.
Не слышно крика журавлей*

⁸ Особенно остро он ставил эту проблему в своих публицистических статьях. К примеру, в 1977 году была написана его статья о «Алтын тазылды айландыра оролгон сұраптар» (Борис Укачин. 1977) о бездумном, расточительном уничтожении целебных растений. «Именно с беспокойства, настойчивого поиска правды и появляется в его публицистике положительный герой, в роли которого часто выступает сам автор» [Киндикова, 2005, с. 70].

*На родине моей.
Может, и потому сердца стон
Никак не умется
(Борис Укачин. 1986. С. 39).*

Основной тональностью позднего Б. Укачина становятся тоска и боль, отчаяние и ожидание неминуемого конца. Стихотворения, написанные после 1993 года, в большей степени звучат как просьба, обращение, молитва. Окружающее поэта пространство видится ему ужасающим, гнетущим. Неслучайно у него появляются такие стихотворения, как «Эбире бисти эдирени чак» («Вокруг нас сумасшедший век»), «Бистинг ўстибисте кызыл күн» («Над нами красное солнце»), «Оору јерибис онтулу корчойот» («Наша больная земля корчится в муках») и т. д. «Мен ёлўмненг коркыбайдым» («Я не боюсь смерти») провозгласил лирический герой Б. Укачина, поскольку для него смерть — это враг: «Үйат билбес јўрўмненг коркыйдым. — / Уулы да кижини кезикте садар» («Я боюсь не знающей стыда жизни. — / Когда и сын может иногда тебя предать») (Борис Укачин. 1993. С. 15).

Сборник «Салым сакытпас» (2005) был опубликован после ухода писателя из жизни. Его составителем и автором предисловия выступил А. Укачин, включив в него стихи, написанные с конца 1990-х до начала 2000-х. Его лирический герой в данной книге, как и сам Б. Укачин, остается полным противоречий. С одной стороны, он понимает и принимает приближение неизбежной последней четы: «Уйдя к закату, Солнце вновь вернется, / Покинув землю, я не возвращусь. / Чем смерти терпеливо дожидаться, / Со всем, что здесь останется, прощусь!» (Борис Укачин. 2016. С. 85). С другой же стороны, бунтарский характер лирического героя, готового к сражению, к противостоянию, привыкшего ломать устоявшиеся стереотипы, не позволяет ему смиленно дожидаться конца. «Я люблю холодный и колючий снег / И когда отважен смертный человек. / В океан ревущий / Захожу без весел — / Невозможно, чтобы я обезголосел... / Я каким родился, тем и доживу!... Это я ли черное белым назову?» (Борис Укачин. 2016. С. 55). Таким был и остался сам поэт до последних дней, «непричесанный», «неугодный», «неудобный»... Только укачинский герой мог сказать: «Келип јаткан ёлўмди ададым» («Стреляю в приближающуюся смерть»).

Таким образом, анализ стихотворений Б. Укачина, написанных на рубеже XX–XXI веков, позволяет сделать вывод о том, что здесь доминирует философское начало, что обусловлено рядом объективных и субъективных факторов: это и социально-политические трансфор-

мации в обществе 1990-х годов, и кризис в культурной и литературной среде, и физическое и морально-психологическое состояние автора. Объединенные стремлением к философскому постижению бытия и смысла человеческого существования, они, с одной стороны, звучат как просьба, молитва, смирение, а с другой — бунтарский дух Б. Укачина, проявляясь в характере лирического героя, бросает вызов смерти. Лирический герой поэта откровенно признается в своих слабостях, с верой обращается к поэзии, которая для него является, с одной стороны, соперницей, отнимающей жизненные соки, а с другой — средством обращения к живущим, к новым поколениям, когда из написанного будет слышен его голос, а в стихах будет жить его душа.

Библиографический список

Киндикова А.В. О поэме-молитве «Голова Шамана» // Филологические исследования (к 100-летию Т.М. Тощаковой). Горно-Алтайск, 2006.

Киндикова А.В. Творчество Б. Укачина: тематическое и жанровое своеобразие. Горно-Алтайск, 2005.

Кондаков Г.В. Укачин Б.У. // История алтайской литературы. Горно-Алтайск, 2004.

Ломунова М. Ветвь горного кедра // Белые цветы иван-чая (очерки о советских писателях). М., 1986.

Мифологический словарь алтайцев. Новосибирск, 2021.

Рябцева Н.Е. Рецепция темы смерти в поэзии Олега Чухонцева 1990-х – 2000-х гг. // Современная филология. Уфа, 2013.

Тюхтенев Т.С. Алтайский народные песни. Горно-Алтайск, 1972.

Укачин А. Время и слово // Борис Укачин: библиографический указатель. Горно-Алтайск, 2006.

Эпштейн М. О философских чувствах и действиях // Вопросы философии. 2014. № 7.

Источники

Борис Укачинович Укачин : библиографический указатель. Горно-Алтайск, 2018.

Борис Укачин. Библиографический указатель. Горно-Алтайск, 2006.

Укачин Б. Алтын тазылга оролгон сурактар = Вопросы вокруг золотого корня // Алтайдың Чолмоны. 1977. 10 июнь.

Укачин Б. Сүйүштің кайкал күчкәжы = Чудо птица любви: стихи. Горно-Алтайск, 1983.

Укачин Б. Чак. Йүрүм. Кижи = Век. Жизнь. Человек // Эл-Алтай. 1986. № 4.

Укачин Б. Іаскы чечектер — күсси јылдыстар = Весенние цветы — осенние звезды. Горно-Алтайск, 1986.

Укачин Б.У. Человек. Жизнь. Время. Горно-Алтайск, 2016.

References

Kindikova A. V. About the prayer poem «The Head of the Shaman». *Filologicheskie issledovaniya (k 100-letiyu T.M. Toshchakovoj)* = Philological studies (to the 100th anniversary of T.M. Toshchakova), Gorno-Altajsk, 2006. (In Russian)

Kindikova A.V. *Ukachin's creativity: thematic and genre originality*, Gorno-Altajsk, 2005. (In Russian)

Kondakov G.V. History of Altai literature, Gorno-Altajsk, 2004. (In Russian)

Lomunova M. Branch of the mountain cedar. *Belye cvety ivan-chaya (Ocherki o sovetskikh pisatelyah)* = White flowers of Ivan-tea (Essays on Soviet writers), Moscow, 1986. (In Russian)

Mythological dictionary of the Altaians, Novosibirsk, 2021. [In Russian]

Ryabceva N. E. Reception of the theme of death in the poetry of Oleg Chukhontsev in the 1990s–2000s. *Sovremennaya filologiya* = Modern Philology, Ufa, 2013. (In Russian)

Ukachin A. *Boris Ukachin. Bibliographic index*, Gorno-Altajsk, 2006. (In Russian)

Epshtejn M.O On philosophical feelings and actions. *Voprosy filosofii* = Questions of philosophy, 2014, no. 7. (In Russian)

List of Sources

Boris Ukachin. Bibliographic index, Gorno-Altajsk, 2018.

Boris Ukachin. Bibliographic index, Gorno-Altajsk, 2006.

Ukachin B. Altyn tazylga orolgon suraktar, Altajdүн Cholmony, 1977. 10 iyun'

Ukachin B. *Sjyyshtiř kajkal kuchkazhy* = Miracle bird of love: poems, Gorno-Altajsk, 1983.

Ukachin B. *Chak. Jyrjm. Kizhi* = Century. Life. Man. El-Altaj, 1986, no. 4.

Ukachin B. *Jasky chechekter — kyski jyldystar* = Spring flowers are autumn stars, Gorno-Altajsk, 1986.

Ukachin B.U. Is a man. Life. Time, Gorno-Altajsk, 2016.